

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ВАЛЕРИИ ВЕРВИНОЙ —
МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ОСТРОСЮЖЕТНЫХ РОМАНОВ,
В КОТОРЫХ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ЛЮБВИ,
ИНТРИГАМ И ТАЙНАМ:

**Сериал «Амалия –
секретный агент императора»:**

Отравленная маска
В поисках Леонардо
Леди и одинокий стрелок
Ледяной сфинкс
Убежище чужих тайн
Письма императора
Зеркало сновидений
Статский советник по делам обольщения
Чародейка из страны бурь
Путешественник из ниоткуда
Ход Снежной королевы
На службе Его величества
Похититель звезд
Ветреное сердце Femme Fatale
Званый ужин в английском стиле
Заблудившаяся муза
Сапфировая королева
История одного замужества
Эхо возмездия
Миллион в воздухе
Вуаль из солнечных лучей
Золотая всадница
Одна ночь в Венеции
Девушка с синими гортензиями
Аквамаринное танго
Черная невеста

Любовно-исторические:

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом
Замок четырех ветров
Ангелов в Голливуде не бывает

Сериал «Адьютанты удачи»:

Адьютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно-криминальные:

Черный нарцисс
Ее любили все
Самый лучший вечер
Разбитое сердце богини
Сиреневый ветер Парижа
Смерть ей не к лицу
Где-то на земле есть рай
Кольцо с тайной надписью

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИЦИНА

СИРЕНЕВЫЙ ВЕТЕР
ПАРИЖА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Курбатова*

Вербинина, Валерия.
В31 Сиреневый ветер Парижа : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Любовь, интрига, тайна).

ISBN 978-5-699-99483-0

Скромная учительница французского Вероника Бесонова предвкушала поездку в Париж в обществе любимого человека, но приятного путешествия не получилось — вскоре после приезда она очулась в багажнике незнакомой машины. Парень, который угнал авто у владельца и выпустил пленницу, заявил, что знает, кто она такая... Вернувшись в гостиницу, Вероника не поверила своим ушам: она якобы недавно побывала здесь и забрала свои вещи, а ее спутник бесследно исчез. Потом последовали покушения на ее жизнь... Как выяснилось, одна известная всему криминальному миру преступница решила исчезнуть, оставив вместо себя двойника — удивительно похожую на нее Веронику. Казалось бы, теперь у беззащитной учительницы нет шансов на спасение! Однако вскоре у нее появляется персональный ангел-хранитель...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99483-0

© Вербинина В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Этот роман является вымыслом
от первого до последнего слова.
Все персонажи, имена, действия и разговоры
придуманы автором.
Любые совпадения с реальностью —
не более чем случайность.*

ГЛАВА 1

Нет лучше отдыха, чем бессознательное состояние.

*Морис Леблан.
Графиня Калиостро, IV*

Что это, что это, что это? Скажи, скажи, скажи. Голоса, звуки, музыка — все сливается в бессвязный гомон, плывет, волнами невнятицы перекачивается через меня. Да, это тело, которое я едва ощущаю, — мое; внезапно я начинаю задыхаться, сердце частит так, будто хочет вырваться из груди, я хватаю ртом воздух, и дикий, нечеловеческий ужас захлестывает меня. Я умираю... Нет, не умираю: сердце бьется уже не так испуганно, спазм в горле прошел, и я больше не хриплю надсадно, судорожно заглатывая живительный кислород. Перед лицом маячит пестрое месиво: пятно темное, пятно светлое, пятно красное. Глаза... Не знаю как, но я чувствую, что на меня смотрят. Что-то испод-

воль проясняется в окружающем мире, и красное пятно превращается в футболку с неразборчивой надписью. Я смотрю на эту надпись и понимаю, что не понимаю ничего.

Первый голос в вышине — ярость, страх, раздражение — произносит:

— Ну конечно, она мертва, черт побери!

«Она» — это, вне всяких сомнений, я, хотя в это мгновение я уже знаю (почти наверняка), что говорящий ошибается насчет моего состояния. В сущности, я на него не в обиде. Я слышу, следовательно, существую, и никто на свете не убедит меня в обратном. Музыка врывается в мои уши. Я перевожу взгляд и замечаю, что красная футболка несет на плече длинный, как удав, магнитофон. Он ревет, изрыгая судорожный речитатив под музыку — рэп. Никогда не любила рэп, но, согласитесь, это все-таки лучше, чем похоронный марш Шопена. Значит, я и впрямь жива, но есть вопрос, который в данный момент больше всего интересует меня: насколько?

— Надо же было так подставиться! — насмешливо рокошет второй голос. — Спереть тачку со свеженьким трупом! Ничего умнее вы не могли придумать, а?

Я открываю рот и хриплю, энергично протестуя против того, чтобы меня записывали в покойники.

— Дидье! Да она живая! — вопит тот, кого я для себя определила как светлое пятно. Теперь оно стало немного четче. Это парень лет восемнадцати, чем-то неуловимо смахивающий на ягненка. У него золотистые волосы и такой же пушок над верхней губой. Честно говоря, приятно увидеть такое лицо, возвращаясь с того света.

— Ты что, сдурел? — огрызается первый на замечание того, кого я окрестила «ягненком».

— Она шевелится! — упорствует он, оборачива-

ется к «футболке» и орет, перекрывая рев музыки: — Эй, Тиаго! Вырубай свою шарманку!

Тиаго бросает ему какие-то слова, которых я не разбираю. Только тут я замечаю, что весь разговор идет по-французски.

Конечно! Ведь я в Париже, как я могла об этом забыть? Сегодня пятница, я прилетела сюда вместе с Денисом, и это мое первое путешествие во Францию, потому что раньше я бывала только в Греции и Испании. Нет слов, Греция — очень приятная страна, и Испания не хуже, но я всегда мечтала именно о Франции, и наконец-то все спослось как надо, и Денис смог выкроить время, и у нас были действующие визы еще с прошлой поездки. Париж оказался именно таким, каким я хотела его видеть, — волшебным, солнечным, искрящимся, по Сене плыли кораблики, набитые туристами, на бульварах цвели каштаны, и мне казалось, что вокруг меня оживают легенды, которыми в моем воображении оброс этот чудесный, почти что сказочный город. Мы оставили наши вещи в гостинице, а потом...

Потом в моей памяти зиял провал, и, как ни старалась, я не могла соединить концы с концами и связать прилет, каштаны, зеленые воды Сены с нависшими над ними мостами, свое утреннее упоение, знакомое всякому, чья давняя мечта сбывается, и мое нынешнее жалкое состояние.

Что происходит?

Где Денис?

И как, черт возьми, мне теперь выпутываться из всего этого?

Лежать было ужасно неудобно. Собственно говоря, я только сейчас заметила, что лежу на боку, скрючившись в неестественной позе. Я шевельнулась, и боль шевельнулась вместе со мной. Она

молнией вспыхнула в теле — и угасла, но я не смогла удержать стона.

— Похоже, она живая, — бормочет неуверенный голос надо мной.

Я с усилием приподнимаю голову. Этого я еще не видела. Шуплый подросток с бледным настороженным лицом смотрит на меня как на привидение. Музыки больше нет, музыка умерла. Я даже не заметила, как она умолкла.

— Что делать-то будем? — раздраженно спрашивает первый.

Тиаго — тот, что в красной футболке, — насмешливо фыркает и сплевывает себе под ноги. Четверо остальных застыли в растерянности. Их контуры расплываются, поэтому, чтобы успокоиться и справиться с мыслями, я закрываю глаза.

Этот запах... Запах кожи и бензина с привкусом пыли. Черт возьми, где же я? Во что я вообще вляпалась?

Я открываю глаза, осторожно пробую пошевелиться — и стукаюсь головой обо что-то металлическое.

— Надо бы с ней поговорить, — произносит второй голос.

Я скашиваю глаза на его обладателя. Насмешник, пару минут назад обозвавший меня «свеженьким трупом», похоже, самый старший в этой компании.

— Вот ты и говори, — бурчит первый.

Насмешник откашливается.

— Мадемуазель! — торжественно начинает он. — Не угодно ли вам...

Тиаго прыскает. Он снова врубает свой магнитофон, но тихо. Удав урчит, вполголоса изрыгая рэп.

И тут я внезапно слышу чей-то чужой, далекий,

надтреснутый голос, с усилием выговаривающий французские слова:

— Где я?

Они изумленно переглядываются. Господи, неужели это произнесла я? По их лицам я вижу, что да.

— По-моему, она не в себе, — замечает первый с некоторой опаской и, подкрепляя свои слова жестом, выразительно стучит пальцем по виску.

Ягненок пожимает плечами.

— Если бы тебя оглушили и засунули в багажник...

Запах бензина. Металл. Теснота. Вот, черт возьми, что это значит! Я не могу сдержать дрожи. Крышка багажника нависает надо мной точь-в-точь как крышка гроба.

— Надо ее вытащить оттуда, — решительно говорит Ягненок.

Он протягивает мне руку, его примеру с секундным опозданием следует Насмешник, который давится фыркающим хохотком. С их помощью я кое-как поднимаюсь и, собрав свои члены (как написал бы член Союза писателей), вылезая на свет божий. Но ноги у меня подкашиваются, и, когда я чувствую, что стою на твердой земле, силы покидают меня. Я шатаюсь и хватаюсь за плечи Ягненка. Со стороны, наверное, это выглядит смешно. Тиаго прыскает.

— Это ваша тачка? — спрашивает неприязненно первый, вихрастый широкоплечий Дидье, который в их банде, очевидно, считается за главного.

Я оглядываюсь через плечо на ту самую *bagnole*¹, о которой идет речь. Машина как машина — черная, не то чтобы новая, но и не слишком старая.

¹ Машина, «тачка» (франц. жаргон).

Я ее вижу впервые в жизни и отрицательно качаю головой.

— Нет... Это не моя.

Главарь переглядывается с Насмешником. Оба озадачены и даже не пытаются этого скрыть. По совести, мне бы тоже следовало удивиться, но мне настолько плохо, что на какие-то эмоции просто не остается сил.

— Ну и ну! Вам, можно сказать, повезло! — замечает Насмешник. — Если бы не Роже, этот маньяк за рулем точно бы что-нибудь с вами сделал.

— Заткнись, — блеет тщедушный Роже, до этого почти не подававший голоса. — Может, она из полиции? Может, это вообще ловушка? Лично я сматываюсь отсюда.

— Ну да, — фыркает Насмешник, — легавым надоело, что мы угоняем машины, и они на всякий случай засунули по флику¹ в каждый багажник. Откуда они могли знать, что ты сопрешь именно эту тачку? Ведь ты и сам не знал этого!

Роже разводит руками.

— И потом, посмотри на нее, — добавляет Ягненок, — какой из нее легавый? На ней лица нет.

Я чувствую, что более-менее сносно держусь на ногах, и спешу убрать руку с его плеча. И так, положение мало-помалу проясняется. Кто-то оглушил меня и засунул в багажник. Из последовавшей короткой перепалки Главаря, Насмешника и Роже я выяснила, что Ягненок и Роже сначала собирались украсть другой автомобиль, но Роже завозился, и тогда Ягненок посоветовал угнать машину, припаркованную по соседству. С ней возни оказалось гораздо меньше, и ребята пригнали свою добычу сюда. После чего открыли багажник и, к своему немалому изумлению, обнаружили в нем

¹ Флик — полицейский, легавый (*франц. жаргон*).

меня. Получается, что банда юных угонщиков спасла мне жизнь, потому что трудно поверить, что кто-то мог засунуть мою скромную персону в багажник с благими намерениями.

— Все это не лезет ни в какие рамки, — бурчит главарь Дидье, не глядя на меня.

Я с ним полностью согласна. У меня немного кружится голова, и я прислоняюсь к машине. Ягненок ободряюще улыбается. Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но боюсь, что это выходит у меня из рук вон плохо.

— Что будем делать с тачкой? — осведомляется Насмешник деловито.

— Не знаю. — Дидье бросает на меня хмурый взгляд.

Молчание — золото, но в некоторых ситуациях оно катастрофически обесценивается.

— Послушайте, — говорю я ему, и голос мой еще мелко дрожит от пережитого потрясения, — я не знаю, кто вы, и вы не знаете меня, но, как бы то ни было, я вам очень благодарна. — Мне не хватает дыхания, но я все же быстро договариваю: — За то, что вы сделали для меня. Я хочу сказать, я не понимаю, что со мной произошло, то есть я совсем не помню, но думаю... наверное, меня хотели убить или что-то в этом роде. А вы мне помогли, да что там — вы мне жизнь спасли, и если вы решили, что я захочу на вас донести полиции, то это вы зря.

— Но вы же обратитесь к ним из-за того, что с вами произошло, — влезает Роже, исподлобья глядя на меня. — И вам придется рассказать им все.

Я представляю себе, как вихрем влетаю в кабинет полицейского комиссара и сразу же, с порога, выкладываю все начистоту:

— Месье! На меня напали, меня оглушили, засунули в багажник и вообще! На мою жизнь поку-

шались! Я требую справедливости! Да здравствуют свобода, равенство и братство!

«Чепуха полная», — кисло подумает воображаемый комиссар. Да и какой-нибудь вполне реальный инспектор, поставленный принимать заявления граждан, тоже вряд ли придет в восторг от случившегося. И хотя я вполне сносно говорю по-французски, потому что изучала его в школе и потом в университете, нам вряд ли удастся найти общий язык. Я чужая, чужая, чужая в этой стране, куда прибыла всего на восемь дней с визитом отнюдь не государственной важности. Тратить время на то, чтобы объясняться с представителями закона, вместо того чтобы гулять по Лувру, посетить Сент-Шапель, подняться на Эйфелеву башню, покататься на кораблике по Сене... И ведь не факт, что в конце концов мне не заявят, что я сама каким-то образом виновата в том, что со мной приключилось. Это очень удобная точка зрения для властей, и не только наших, поверьте.

А если уж быть откровенной до конца: на кой, интересно, французской полиции сдалась несчастная русская туристка, которую кто-то хотел умыкнуть? У них и без того своих забот хватает.

— Я не думаю, что пойду в полицию, — после небольшого колебания сознаюсь я. — Дело в том, что...

Я умолкаю, пытаюсь подобрать слова, которые могли бы успокоить моих друзей-угонщиков. Неожиданно я ловлю на себе сочувственный взгляд Ягненка. Не знаю почему, но он вызывает у меня больше симпатии, чем остальные.

— Не дави на нее, — говорит он Дидье.

— Я не давлю. — Дидье неуклюже поводит своими широкими плечами. — Значит, вы не против, если мы заберем тачку?

Это становится забавным, но я поспешно прячу улыбку.

— Да ради бога!

— Вот и прекрасно, — замечает Насмешник.

Ягненок заглядывает в багажник, достает откуда какой-то предмет и оборачивается ко мне.

— Ваша сумка, мадемуазель. Вы ее забыли.

Я с удивлением смотрю на него, потом перевожу взгляд на то, что он держит в вытянутой руке. Нет, это не моя сумка. Я люблю сумки миниатюрные, абсолютно непрактичные, в которые ничего, кроме кошелька и ключей, не поместится, — а эта объемистая и, судя по всему, отнюдь не пустая. Моя сумочка к тому же новехонькая, из кожи цвета кофе с молоком, а эта черная, старая, с потертыми углами. Мне, однако, не хочется обижать славного парня, и я молча беру сумку. Она оказывается тяжелее, чем я предполагала. Неожиданно мне приходит на ум, что эта сумка может иметь отношение к человеку или людям, которые меня похитили, но я подавляю в себе искушение немедленно начать копать в ней. Потом, когда я выберусь отсюда. И, кажется, я готова пересмотреть свои взгляды на возможность общения с местной полицией.

Тиаго недалеко от нас снова врубает магнитофон на полную мощность и сам с собой пританцовывает на песке. Я оглядываюсь и впервые замечаю, что уже наступил вечер. Место, где я нахожусь, вполне заслуживает названия «помойка». Это захламленный пустырь на задворках бедного квартала, застроенного дешевыми однотипными домами, где ютятся люди, которые перебиваются как могут, и не всегда законными методами. Многие из них — мигранты, которые были вынуждены покинуть свою страну в поисках работы, и я готова поклясться, что родители обладателя португаль-

ского имени Тиаго приехали из солнечной Португалии вовсе не из-за того, что там испортилась погода.

Мои мысли прерывает Дидье, который подошел ко мне вплотную и что-то говорит, но я не могу сосредоточиться на словах, которые он произносит. Потеряв терпение, он встряхивает меня за плечи.

— Эй, вы! Зарубите себе на носу: вы нас не знаете, не видели и слыхом о нас не слыхивали. Ясно? Не то я живо с вами разберусь!

Все понятно: ему надо показать свой авторитет перед остальными. Я послушно киваю, показывая, что все поняла и вовсе не собираюсь лезть на рожон.

— Можно спросить? — решаюсь я.

— О чем?

— Где я нахожусь? Что это вообще за место?

— Э, нет, так дело не пойдет! — возражает Дидье. — Мы тебя вытащили, так что теперь выкручивайся сама, крошка.

Какая я крошка? Ему лет двадцать, может быть, двадцать два, а мне уже стукнуло двадцать семь. Впрочем, во Франции могут назвать крошкой и в сорок лет, и ничего обидного в этом слове для них нет.

Насмешник уже сидит за рулем и строит мне гримасу. Я вяло улыбаюсь ему. Тиаго выключает магнитофон и прыгает на заднее сиденье, Роже забирается следом.

— По крайней мере, это Париж? — спрашиваю я удаляющуюся спину Дидье.

— Лучшая помойка во всем Париже! — отвечает он гордо. Надо отдать должное французам: они никогда не боятся называть вещи своими именами.

— А метро тут есть? Поезд? Автобус? Что-нибудь?

— Я не гид! — кричит он, усаживаясь рядом с Насмешником. — Пока, детка, и держись подальше от маньяков!

Сидящие в машине разражаются хохотом.

— Вам надо в метро? — спрашивает меня Ягненок.

Он единственный остался рядом со мной на этой загаженной свалке. Я утвердительно киваю. Метро и в самом деле мне не мешает — я вспомнила название нашей гостиницы и то, что она находится в пяти минутах ходьбы от одной из станций, это было написано еще в Интернете, когда мы заказывали номер.

— Эй, Ксав! — орет Дидье, высовывая голову наружу. — Ты чего там копаешься? Пошевеливайся, Азиз нас заждался! Я обещал ему пригнать тачку к восьми, а сейчас уже почти девять.

Машинально я вскидываю левую руку, чтобы взглянуть на свои часы. То, что я вижу, настолько выбивает меня из колеи, что на какое-то время я напрочь теряю способность рассуждать. Часов на моей руке нет. Вместо них выше запястья находится сложная пестрая татуировка в виде браслета из переплетающихся линий и тщательно выведенной надписью поверх них. Кожа вокруг татуировки покраснела и отчаянно саднит.

Я столбенею. Я никогда не делала татуировок, слышите? Никогда! Откуда же она могла взяться?

Похоже, что я действительно стала жертвой какого-то извращенца. Сначала он оглушил меня, потом сделал на руке татуировку. Рисунок очень красивый, мастерски выполненный — вряд ли его могли сделать за пять минут. И что же, все это время я так и была в отключке?

И тут Шерлока Холмса осенило. Меня осенило, хотя и с опозданием. Это жуткое ощущение, когда я приходила в себя, ощущение, что ты находишься